

Хронотоп культурно-исторической науки о деятельности¹

Б.Г. Мещеряков

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, ГБОУ ВО Московской области
Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация,
e-mail: borlogic2@uni-dubna.ru

Введение

Тема данной статьи не совсем совпадает с ее главной целью. Точнее сказать, что тема одновременно указывает и на цель, и на средство, и на ее результат. Без длинных вступлений можно сказать, что главная цель заключается в том, чтобы обсудить ситуацию в современном сообществе «Выготскианской академии» (термин Е. Матусова) с точки зрения вопроса о его общем основании, получив в итоге некоторый ответ на этот вопрос. Однако следует предупредить, что под «общим основанием» здесь будет рассматриваться совсем не то, что *обычно* понимается под этими словами — многократно обсуждавшиеся концепции Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, М.М. Бахтина, И. Энгельста и других авторов, которые действительно выступают в качестве достаточно общего фундамента многочисленных современных исследований, теорий и научных подходов, а их имена являются хорошо узнаваемыми обозначениями (указателями) соответствующих теоретических и методологических ориентаций.

Вопрос, который будет обсуждаться здесь, скорее имеет обратное направление — *телеологическое*, т. е. это вопрос о том, можно ли найти некоторое единство в целевой направленности современных исследований. Или совсем просто — можно ли установить какую-то объединяющую и единую *цель* развития деятельности данного сообщества, несмотря на то, что оно фактически является чрезвычайно тематически разнообразным, полидисциплинарным, международным, многопредметным, многоголосным и т. п.

(В скобках замечу, что с этим вопросом связаны и другие важные вопросы, в частности вопрос о том, как достичь единства в его обозначении, или идентификации, и еще более значимый вопрос об оценке современного состояния.)

Из поставленного первого вопроса вытекает следующая проблема — о средствах поиска ответа. Было бы совершенно бесперспективно и неубедительно провозглашать некую перспективную цель без предварительного анализа современного и прошлого состояний развития. Отсюда и возникает вопрос о реконструкции хронотопа..., а уже опираясь на него, можно было бы экстраполировать, куда он ведет нас.

Очень простое решение состояло бы в том, чтобы взять в качестве искомого хронотопа очень популярную сегодня линейную схему трех поколений теории деятельности, которую разработал И. Энгельст. Эта концепция так часто воспроизводилась в последние годы, что нет никакой нужды в еще одном ее повторении. Она не может не нравиться в силу своей простоты, логичности и содержательности. Но все-таки кое-что в ней требует обсуждения.

Во-первых, когда говорят об эволюции теории деятельности и ее поколениях, то имплицитно подразумевается идея смены одного поколения другим, т. е. процесс вымирания более ранних поколений и замещения их новыми. Так, конечно, можно говорить о поколениях людей (что не исключает возможности соучастия одного и того же человека в деятельности нескольких поколений, как, например, было в случае А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии, которые сотрудничали

Для цитаты: Мещеряков Б.Г. Хронотоп культурно-исторической науки о деятельности // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 3. С. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170305>

For citation: Meshcheryakov B.G. The Chronotope of Cultural-Historical Science of Activity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 3, pp. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170305> (In Russ.).

¹ Вот статья Бориса Гурьевича Мещерякова «Хронотоп культурно-исторической науки о деятельности». Это последняя статья нашего ушедшего товарища и коллеги. Мы приняли решение опубликовать эту работу без каких-либо редакционных правок и изменений. Это решение продиктовано, конечно, памятью о талантливом ученом, но не только этим, а и тем, что статья профессиональна, умна и интересна, а по своему стилю в правках не нуждается. *Б.Д. Эльконин*

This is the paper written by our late colleague and friend, Boris G. Meshcheryakov, "The Chronotope of Cultural-Historical Science of Activity". We have decided to publish it as it is, without any editorial corrections or changes. This decision was informed not only by our wish to honor the memory of a talented scientist, but also by the fact that this paper is highly professional, smart and challenging. No alterations needed. *Boris D. Elkonin*

и с Выготским, и с харьковчанами, и с представителями 3-го и даже 4-го выготскианского поколения); но к идеям и теориям эта логика применима далеко не всегда. Новая теория может опираться на старую, развивать ее, но старая теория при этом не отбрасывается и продолжает работать в своей сфере деятельности, на своем уровне анализа. Именно поэтому я предпочитаю говорить не об эволюции и поколениях теории деятельности, а о хронотопе таких теорий, а также в целом о хронотопе науки о деятельности (кроме того, в дальнейшем я буду использовать более человеческий смысл поколений при описании другого хронотопа).

Но и это еще не все. Во-вторых, к сожалению, эта концепция развития теории деятельности является неполной. Такое впечатление, что она отождествляет третье поколение теории деятельности только с самим И. Энгестрёмом, с его собственной теорией деятельности, игнорируя многих других авторов и почти синхронные деятельностные концепции третьего и даже четвертого поколения исследователей, напр., М. Коула, Дж Верча, Г. Дэниелса, К. Хольцкампа, Г.П. Щедровицкого, В.В. Давыдова, Э.В. Ильенкова, Ф.Т. Михайлова, А.И. Мещерякова, В.П. Зинченко, В.В. Рубцова, Б.Д. Эльконина, Г.А. Цукерман, А.Г. Асмолова и многих других². Ни об одном из них А. Саннино и И. Энгестрём даже не упомянули в своем описании «современных версий теории деятельности» (2018, с. 44), а в последующей близкой по содержанию статье (Eng., San., 2020) из аналогичного абзаца исчезли даже те имена, которые были в предшествующей статье. Было бы полезно при создании хронотопа придерживаться бахтинского принципа вневходимости, требующего децентрированного взгляда на события.

Таким образом, тот факт, что в разные периоды времени могут сосуществовать несколько теорий, а это особенно верно в отношении современного периода, заставляет нас говорить не о поколениях теории деятельности, а о более широком понятии — хронотопе науки о деятельности. К его конкретизации я вернусь позже.

Вопрос о цели

Вопрос о перспективах развития деятельного подхода (и науки о деятельности) не является новым, о нем размышляли некоторые весьма активные и авторитетные коллеги, предлагавшие разные варианты ответа. Остановлюсь на двух в силу их ярко выраженной противоположности.

В.В. Давыдов еще в 1992 г. (опубликовано в 2016 г.) утверждал: «Конечная, пусть и далекая, цель

нашей работы должна состоять в создании общеприемлемой полидисциплинарной теории деятельности» (2016, с. 54).

В 1992 г., когда эта цель ставилась, еще не было ISCAR, но завет В.В. Давыдова сохраняет свою силу и сейчас: «Теперь же нам в пределах международной организации “ISCRAT” необходимо искать пути... создания подлинной современной теории деятельности, именно “создания”, а не простого повторения того, что нам осталось в наследство от прошлого. И вместе с тем это наследство весьма серьезное и большое, и отбрасывать его нельзя» (там же, с. 54).

Эта же тема развивалась В.В. Давыдовым и позднее (1996, 1997/2003). Тут важно подчеркнуть, что В.В. Давыдов, ставя такую цель, исходил из того, что ни теория А.Н. Леонтьева, никакая другая известная ему теория деятельности (в том числе и И. Энгестрёма или методологическая теория Г.П. Щедровицкого) не соответствует его представлениям о полидисциплинарной теории. Очевидно, дело не только в схематизмах типа треугольников или прямоугольных блоков, которые были излюбленными иллюстрациями соответственно в работах И. Энгестрёма и Г.П. Щедровицкого. В.В. Давыдов в первую очередь указывал на отсутствие достаточной фактической базы для построения такой теории.

Как и В.В. Давыдов, я не уверен в том, что создание полидисциплинарной теории деятельности может произойти достаточно быстро, но мне кажется, что существенным шагом на пути к ней будет осознание необходимости создания полидисциплинарной науки о деятельности, в рамках которой возможно существование многих теорий и направлений исследования.

Наука — это, конечно, более крупная единица организации знания по сравнению с теориями, методами, фактами и т. п. Но и науки неоднородны — не только по своим предметам или методам, но также по степени специализации, т. е. сами науки могут выступать как единицы разного уровня. Специфика науки о деятельности состоит в том, что не только требуемая от нее общая теория, но и она сама должна быть полидисциплинарной. Эта специфика объясняется, прежде всего, тем, что деятельность представлена на разных уровнях социокультурной действительности, или, говоря иначе, понятие деятельности применяется к явлениям разного уровня, изучаемым целым спектром наук. Эту идею в наиболее четком виде разрабатывал философ-методолог Г.П. Щедровицкий.

Другой, можно сказать, противоположный целевой вектор формулируют Аннализа Саннино и Ирё Энгестрём (2018), которые, как бы подразумевая, что вполне пригодная теория деятельности у них «уже в кармане», призывают к тому, о чем К. Маркс писал

² Этот список можно продолжать долго. В связи с этим отмечу, что, на мой взгляд, давно назрела необходимость в создании двухтомного международного словаря культурно-исторической науки о деятельности, один из томов которого включал бы персоналии, в том числе и те, которые, хотя и не дают членские взносы в международные организации, но своими идеями и исследованиями делают существенные вклады в нашу науку, а другой — основные термины (понятия) этой науки с фиксацией трудностей их перевода на другие языки.

еще в 1845 году (и что написано на его памятнике в Лондоне): «Философы (читай: теоретики деятельности. — Б.М.) лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» («Тезисы Фейербахе»: “Philosophers have only interpreted the world in various ways. The point, however, is to change it.”).

Следуя этому завету, А. Саннино и И. Энгстрём (2018) пишут: «Сегодня теория деятельности сталкивается с новыми проблемами, которые напрямую связаны с судьбой жизни на нашей планете. Быстро развивающийся глобальный экологический кризис требует преобразований, выходящих за рамки конкретных четко определенных видов деятельности. Текущие вызовы сводятся к созданию альтернатив капитализму» (с. 44). Разумеется, в человеческом мире существует много недостатков, противоречий и напряжений, многое требует усовершенствований. Однако превращать науку о деятельности в скорую помощь по решению такого рода практических проблем и объявлять это главной целью исследований и разработок, на мой взгляд, губительно прежде всего для самой науки. Это не значит, что наука о деятельности должна игнорировать практику и отказываться от применения теорий и методов для решения практических задач (здесь можно было бы сослаться на многовекторную деятельность Л.С. Выготского, но я не буду повторять то, что давно и хорошо известно, лишь упомяну: он отлично понимал, что на одной практике здание общей психологии не построишь, а для хорошей практики нужна хорошая теория). В рамках науки о деятельности свое место должны занимать прикладные, практические и фундаментальные науки (или их части). Поэтому, скорее всего, говорить об одной единственной перспективной цели, будь то полидисциплинарная теория деятельности или «изменение мира», не приходится. Попытки же обесценивать роль фундаментальных исследований и призывы начать изменять мир подходят лишь для тех, кому приятно бежать впереди паровоза. И вряд ли что-нибудь изменится, если наука о деятельности избавится от надоевших искусственных и неоднозначных эпитетов «неклассической» или «постнеклассической» науки.

Новый хронотоп

Я не буду пользоваться слишком абстрактными определениями хронотопа, которые давались А.А. Ухтомским или М.М. Бахтиным. Для меня хронотоп — это достаточно обобщенная и топологическая (неметрическая) схема (способ репрезентации) процесса развития, похожая на генеалогическое дерево.

Единицей анализа нашего хронотопа выступают не версии (разновидности) какой-либо теории, а более крупные единицы — теоретико-методологические парадигмы, отчасти сопоставимые с ними научные школы. Поэтому в нем приводятся те или иные имена с чисто иллюстративной (уточняющей) целью, без всякой претензии на всеохватность.

О количестве современных кандидатов на статус такой единицы есть разные суждения, обычно они укладываются в диапазон от двух до четырех. Е. Матусов (2008) в “Выготскианской академии (Vygotskian academia)” выделил два подхода — **социокультурный** (включая с некоторыми оговорками СНАТ в понимании И. Энгстрёма) и **культурно-исторический** (в традиционном смысле). М. Дафермос (2016) рассматривает три типа восприятия (интерпретации) теории Л.С. Выготского в международном академическом сообществе, а именно: **когнитивизм, культурализм** (социокультурный подход), **культурно-историческая теория деятельности** (Cultural-historical activity theory) (СНАТ в понимании И. Энгстрёма). Парадоксально, что в этом списке не нашлось места современному этапу (3+ поколению) российской школы культурно-исторической психологии и деятельностного подхода (как будто ее развитие остановилось на уровне первой половины XX столетия), который ему достаточно хорошо известен. Поэтому его позицию мы относим к варианту четырех парадигм. Но чаще все-таки встречается вариант из трех парадигм (см., например: Ellis, V., Edwards, A., & Smagorinsky, P. (Eds.). 2010. Ch. 1, Introduction): 1) **культурно-историческая**, имеющая ближайшие корни преимущественно в советско-российской психологии и философии; 2) **социокультурная**, ассоциирующаяся прежде всего с рядом известных северо-американских и британских психологов, а также испанских авторов (Valsiner, J., & Rosa, A. (Eds.). 2007. Editors’Introduction) и 3) **cultural-historical activity theory** (СНАТ), тесно связанная с финской (хельсинской) школой теории деятельности. Сразу подчеркнем, что геополитические маркеры этих парадигм имеют совершенно условный характер, поскольку реальный состав их последователей чрезвычайно интернационален (скажем, в России немало исследователей, затронутых «энгстрёмизацией» («Engeströmization»). На рис. 1 представлена древесная схема хронотопа культурно-исторической науки о деятельности.

Сделаем несколько пояснений к этой схеме. Во-первых, обратим внимание на то, что КИП, т. е. культурно-историческая психология, не оставалась на всем временном интервале хронотопа в ее первичном виде, поэтому для обозначения ее некоторых трансформаций во времени на схеме использованы звездочки (КИП*, КИП**).

Во-вторых, схема опирается на точку зрения родственности и преемственности в отношениях между первичной КИП и теорией деятельности (ТД) А.Н. Леонтьева. Поэтому на схеме «КИП*» означает общую парадигму, в которой объединены КИП и ТД (сошлемся здесь на точку зрения В.В. Давыдова, изложенную, например, в публикациях 1996, 2016 годов):

«Подлинным источником культурно-исторической теории можно считать ... понятие **реальной**, внешней, или социальной, **деятельности**.

Таким образом, сложная и противоречивая (порой драматичная) история фундаментальных идей научной школы Л.С. Выготского свидетельствует о

Культурно-историческая наука о деятельности

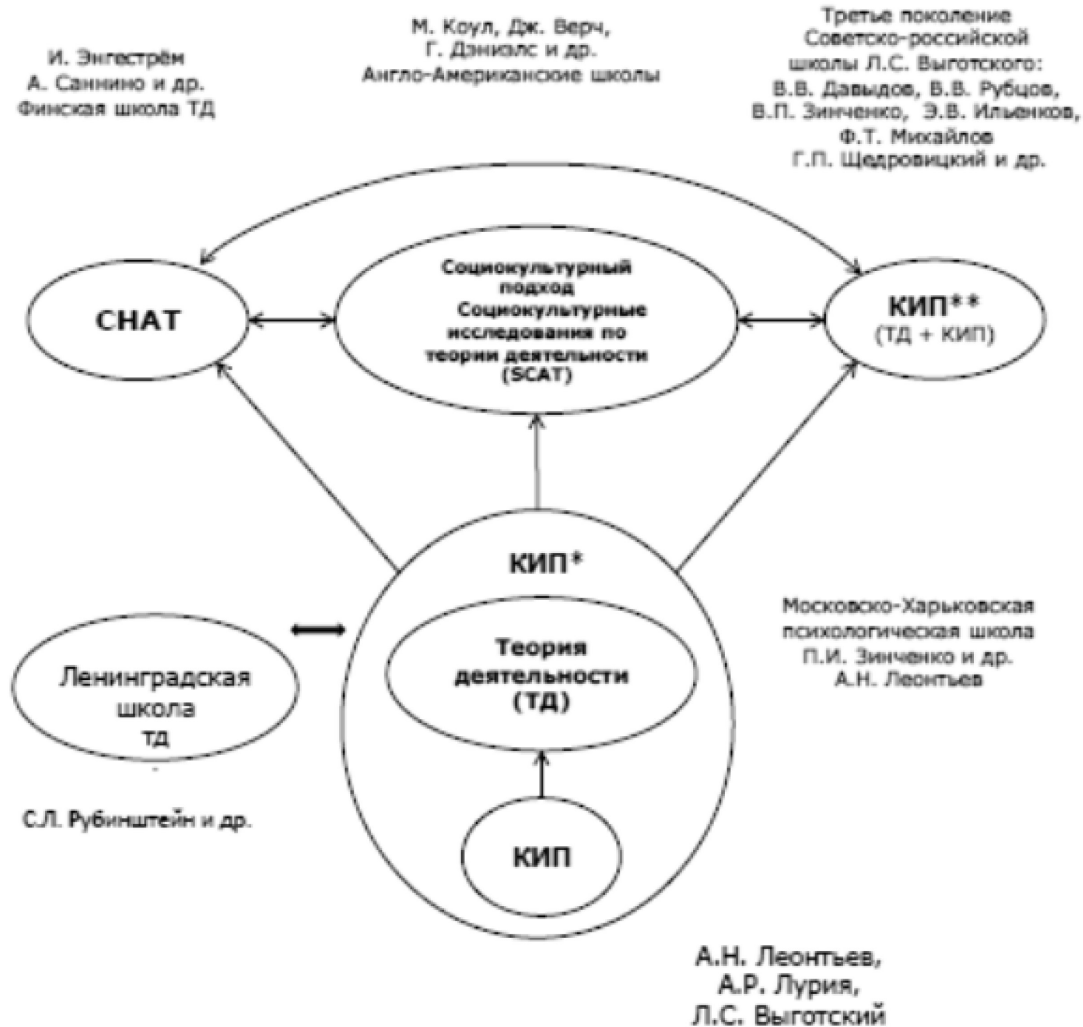

Рис. 1. Хронотоп культурно-исторических и деятельностных исследований (культурно-исторической науки о деятельности)

внутренней связи культурно-исторической теории и теории деятельности» (Давыдов, 1996, с. 27).

«Как соотносятся и как связаны эти, на первый взгляд, независимые друг от друга теории? Этот вопрос будет ключевым для моего сообщения, более того, я полагаю, что именно в соединении основных идей этих двух теорий можно найти подлинный источник для их взаимообогащения, источник развертывания новых пластов теории деятельности» (1992/2016, с. 45).

В-третьих, по поводу названия «Московско-харьковская школа». Обычно используется укороченное название — «Харьковская школа», но оно, на мой взгляд, является неточным. Достаточно сослаться на то, что А.Н. Леонтьев (как и А.Р. Лурия, а иногда и Л.С. Выготский) лишь периодически приезжал в Харьков), оставаясь одновременно москвичом.

В-четвертых, визуализированная схема показывает лишь ствол и крону хронотопа, без корней, т. е. без мощного культурно-исторического слоя. Сами основатели культурно-исторической психологии и теории деятельности пытались системно интегрировать достижения многих поколений мыслителей, начиная с Геродота, Сократа, Платона и Аристотеля (Cole, 1996; Коул, 1997; Toomela, 2016). А в ряду наиболее влиятельных мыслителей, живших в более близкие к современности века, следует указать, как минимум, также Б. Спинозу, И. Канта, Г.В. Гегеля, В. фон Гумбольдта, К. Маркса, Ч. Дарвина, Э. Тайлора, В. Вундта. К неполноте и ограниченности данной схемы можно было бы добавить тот факт, что она не показывает влияния и взаимодействия между КИП и КИП* с другими современными им авторами (напр., Х. Вернер, К. Левин, П. Жане, Ж. Пиаже и др.). Исключение сделано для

теории деятельности С.Л. Рубинштейна, однако стоит заметить, что многие последователи С.Л. Рубинштейна сами настойчиво дистанцируются от культурно-исторической психологии.

В-пятых, учитывая, что в современной литературе благодаря И. Энгельсону получила распространение концепция трех+ поколений теории деятельности, стоит оговорить, что мы используем на схеме слово «поколение» в его собственно человеческом смысле, т. е. так, как, к примеру, пишут редакторы «*Cambridge companion to Vygotsky*» (Daniels, Cole, & Wertsch, 2007, p. 8): «third-generation Vygotskian-inspired psychologists». М. Cole и J. Wertsch использовали такое понимание «поколений» в статье 2011 г., посвященной 80-летию В.П. Зинченко (опубликована повторно в 2021 г.): «Мы, если так можно выразиться, родня Владимиру Петровичу и его другу, Василию Васильевичу Давыдову, а также многим другим последователям культурно-исторической теории. Мы разделяем с ними честь быть «третьим поколением» последователей Л.С. Выготского. Как и они, мы учились у А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева...» (2021, с. 637).

И последнее замечание, касающееся названия «культурно-историческая наука о деятельности». Даже если не принимать во внимание особую значимость этого понятия не только для психологии, но и для всех социогуманитарных наук, нельзя не заметить потребность в общем названии, объединяющем все уровни и ветви хронотопа.

О междисциплинарности и полидисциплинарности науки о деятельности

Прежде всего, зададимся вопросом: можно ли термин СНАТ, используемый так, как это делает создатель третьего поколения теории деятельности, дополнительно к этому рассматривать как общий, объединяющий все линии и этапы приведенного хронотопа.

Термин «культурно-историческая теория деятельности» был придуман Майклом Коулом (1996) и популяризирован Ирвём Энгельсоном (особенно его акроним **СНАТ**), чтобы способствовать единству того, что к 1990-м годам превратилось во множество направлений, более или менее восходящих к работам Выготского и его ближайших коллег.

Но по факту получилось нечто обратное: Энгельсон в хорошем смысле постарался, чтобы СНАТ стал целиком отождествляться с одним направлением — энгельсовским. Наверное, не слишком удобно все время вводить уточнения, как, например, делал Ник Пейм (Peim, 2009), который называл СНАТ в понимании Энгельсона *Engeströmian activity theory* (ЕАТ). В общем, никакого терминологического единства среди множества направлений не возникло, просто другим пришлось искать для себя другие названия, а нередко для них их придумывали со стороны.

Приведу несколько примеров из этого множества гибридных названий (в том числе и те, которые появились еще до названия СНАТ):

«культурно-историческая теория деятельности» (Cultural-historical activity theory — термин М. Коула, на английском языке давшее такие аббревиатуры как СНАТ и СН/АТ);

«социокультурная теория деятельности» (англ., socio-cultural activitytheory, SCAT);

«социокультурные и теоретико-деятельностные исследования» (например, в названии «The Centre for Sociocultural and Activity Theory Research at the University of Bath in the United Kingdom»);

«социокультурные исследования» (в названии «The Society of Socio-Cultural Research, объединившееся в 2002 г. с ISCRAT»);

«культурные исследования по теории деятельности» (в названии «The International Society for Cultural Research on Activity Theory», ISCRAT);

«культурно-деятельностные исследования» (часто используется в российских источниках) или «культурные и деятельностные исследования» (в названии «The International Society For Cultural And Activity Research», ISCAR)

Таким образом, нужда в общем, объединяющем названии сохраняется до сих пор. Такую роль может сыграть уже неоднократно используемое в данной статье название «культурно-историческая наука о деятельности».

Заметим также, что название «культурно-историческая психология» (КИП), в первую очередь ассоциирующееся с Выготским и его психологической концепцией, или же современный вариант «культурно-деятельностная психология» (КДП) очень подходят для психологов, но в рамках междисциплинарной (полидисциплинарной) науки теряют свое объединяющее значение.

Существует мнение, что лишь в третьем поколении теории деятельности наука о деятельности стала междисциплинарной. Со ссылкой на недавно ушедшего от нас Пеннати Хаккарайнена, Манолис Дафермос следующим образом отразил эту точку зрения:

«Хаккарайнен (Hakkarainen [26, с. 4]) утверждает, что западная теория деятельности принимает “междисциплинарный подход, а в России превалирует более психологический метод”. Междисциплинарный подход к теории деятельности был разработан в Центре теории деятельности и исследований развивающейся работы (Университет Финляндии, Хельсинки), который возглавляет Ирвём Энгельсон. Первое и второе поколение теории деятельности действовали в сфере психологии как в дисциплине, а третье поколение создало исследовательскую программу с междисциплинарным подходом» (Дафермос, 2016, с. 42).

По-моему, здесь нужны уточнения в понимании «междисциплинарного подхода».

Подход Выготского к психологическим вопросам, несомненно, был междисциплинарным. И во многом благодаря этому он был столь успешным. Благодаря своим обширным знаниям в различных областях —

философии и логике, физиологии, эволюционной биологии, психиатрии, неврологии, педагогике, лингвистике, семиотике, филологии, этнографии и т. д., его теории приобретали особую понятийную широту, глубину, многосторонность (многоаспектность), которая как раз и делает их притягательными для специалистов разных областей. Материалом для его идей могли служить факты, полученные отнюдь не только психологическими методами. Вспомним также, что Выготский идентифицировался не только с позицией психолога, но и педолога, а педология, по замыслу, выступала как полидисциплинарная (многопредметная) наука о детском развитии.

Не только «детское развитие», но и такие объекты исследования, как деятельность или личность, входят в области исследования многих дисциплин, т. е. являются междисциплинарными.

Возможно, авторы, отрицающие междисциплинарность подхода Выготского и признающие это характерной чертой третьего поколения теории деятельности, имеют в виду другой тип междисциплинарности, связанный с множеством объектов и проблем исследования.

По отношению к Выготскому отчасти подходит характеристика, данная Щедровицким к общему типу исследователей деятельности: «... почти всегда в лице одного реального ученого соединяются специалисты разного рода и, следовательно, происходит объединение разных средств, чаще всего синкретическое, но организованное в рамках одной субъективной системы “видения” мира и частных предметов изучения» (1975/1995, с. 270).

Не вдаваясь в подробности и не претендуя на оригинальность, предложу различение по крайней мере трех уровней междисциплинарности:

1) междисциплинарность на индивидуальном исследовательском уровне (Выготский и многие другие);

2) междисциплинарность на уровне коллектива, разрабатывающего конкретный проект (научный или практический). В.В. Давыдов в этом случае говорил о комплексном исследовании, которое он описывал на собственном опыте:

«Хотя я сам себя причисляю к психологам, но по характеру своих работ постоянно вынужден так или иначе рассматривать вопросы дидактики, конкретных методик, а также теоретические вопросы педагогики. И это не случайно — изучение учебной деятельности школьников, проводимое исследовательским методом формирующего экспериментирования (а этот метод является, по нашему мнению, наиболее современным и адекватным), должно быть по-настоящему комплексным и охватывать в своей целостности философско-логические, психологические, дидактические, методические и физиолого-гигиенические аспекты этой деятельности.

Подобное исследование должны проводить вместе и на единой экспериментальной базе специалисты всех указанных дисциплин. И когда нам удавалось именно так организовать работу, она была наиболее продуктивной. И специалисты разного научного профиля, по нашим наблюдениям, сами научились отно-

сительно хорошо ориентироваться в вопросах смежных дисциплин.

Для нас вся современная проблематика учебной деятельности, по сути дела, является в основном *комплексной логико-психолого-педагогической проблематикой*» (Давыдов, 1990/2016, с. 44).

3) междисциплинарность на уровне (совсем не обязательно формального) сообщества ученых разных специальностей. По-видимому, этот тип междисциплинарности Давыдов обозначал словом «полидисциплинарность».

По поводу обвинений Выготского в этноцентризме

Одна из главных мыслей Выготского и культурно-исторической психологии, несомненно признающей специфику наследственной человеческой природы (воплощенной в генотипе и сформированной в процессе антропогенеза в специфической социокультурной среде), заключается в том, что исторический прогресс культуры (прежде всего интеллектуальной), по крайней мере, в диапазоне от первобытной эпохи верхнего палеолита до современности, никак (или почти никак) не связан с «генетическими» изменениями человеческой природы и целиком (или почти целиком) объясняется генеративными и конструктивными способностями к саморазвитию самой человеческой культуры. Для Выготского это положение имело статус неоспоримого факта. И я думаю, что его не могут оспаривать даже убежденные сторонники так называемого «культурного релятивизма», некоторые из которых склонны приклеивать Выготскому и Лурии ярлык этноцентристов в связи с их интерпретацией результатов среднеазиатских экспедиций в 1931 и 1932 гг. В чем же состояла суть этой интерпретации? Если абстрагироваться от конкретных этногеографических маркеров (а с точки зрения общей теории эти маркеры никакого значения не имеют), то они делали следующий вывод: существенные изменения в культуре приводят к изменениям сознания человека, в частности, его интеллектуальных способностей (что для культурно-исторической психологии имело статус теоретической гипотезы, впервые проверявшейся квазиэкспериментальным методом).

Конечно, Выготский и Лурия не могли исследовать интеллект первобытного кроманьонского человека, но они воспользовались теми возможностями, которые им предоставляли современные кросс-культурные различия в доступной им ситуации для проверки такой гипотезы, точнее операционального следствия из нее: новые формы мышления, транслируемые благодаря обучению в школах, могут достаточно быстро усваиваться (присваиваться) людьми из этой культуры, т. е. нет каких-либо генетических ограничений для культурного развития интеллекта людей. Сомневаюсь, что этот вывод имеет какое-то отношение к этноцентризму и может хотя бы на йоту скомпрометировать культурно-историческую психологию.

Их выводы находятся в полном согласии и преемственности с положениями, зафиксированными спустя много лет в рамках деятельностной концепции Г.П. Щедровицкого («общей теории деятельности»):

«Сегодня уже не может вызывать сомнений тезис, что обучение и воспитание создают в человеке то, что не могло возникнуть и появиться у него как у отдельной особи без этого, причем именно создают; знание математики и физики, истории и географии, умение решать разнообразные задачи средствами этих наук и т. п. не появляются сами собой из опыта “практической жизни”. С другой стороны, появление всех этих знаний и умений не сопровождается — и это тоже можно считать выясненным и доказанным — изменениями биологического субстрата “человека”» (Щедровицкий, 1968/1995, с. 394).

Это не означает, что методики, процедуры и описания результатов данного исследования были идеальными и их не следует критически оценивать, равно как и теоретические представления Л.С. Выготского о стадиях и факторах антропогенеза, но обвинения в этноцентризме, во-первых, выходят за рамки научной критики и, во-вторых, на мой взгляд, не имеют никаких оснований.

Вместо заключения. Значимость деятельности как объекта исследования

Деятельность имеет онтологический статус не менее значимый, чем мозг, движение или познание, которые, как известно, обрели свои науки (нейронаука, кинезиология, когнитивная наука).

В некотором смысле де-факто, наука о деятельности уже давно существует и имеет мощный культурный слой, прежде всего в философии, о чем писал Г.П. Щедровицкий (1974/1995):

«Если оставить в стороне отдельные постановки вопросов и ориентироваться только на достаточно систематические разработки, то, наверное, можно сказать, что в философии изучение деятельности как таковой началось примерно 350 лет назад, хотя общие основания и определенная традиция в этой области шли уже от Аристотеля» (с. 233).

Примечательно, что именно Аристотель в список из 10 категорий включил понятие *действия* (др.-греч. τὸ ποιεῖν — «действовать»).

И это вполне объяснимо:

«Деятельность, как мы уже говорили, занимает совершенно особое положение в системе социума. Именно она является тем фактором, который превращает все его элементы (и вещи, и отношения) в одну или несколько *целостных структур*. Вне деятельности нет ни средств производства, ни знаков, ни предметов искусства; вне деятельности нет самих людей. Точно так же и в процессе воспроизводства социума именно деятельность занимает основное место — и как то, что воспроизводится, и как то, что обеспечивает воспроизводство» (Щедровицкий, 1966/1995, с. 200–201).

Споры о том, кто является основателем психологической теории деятельности очень часто ведутся через подсчеты того, сколько раз и в каком году тот или иной автор (Выготский, Рубинштейн, Леонтьев) употреблял термин «деятельность» в своих работах. Последователи С.Л. Рубинштейна «откопали» статью своего учителя, опубликованную в 1922 г. в Одессе, но которая несколько десятилетий оставалась неизвестной. Тем не менее, они уверенно доказывают приоритет С.Л. Рубинштейна, хотя эта работа не совсем о деятельности, а скорее, о самодеятельности, и никакой психологической теории в ней нет.

Эти споры, как правило, игнорируют тот факт, что термин «деятельность» использовался еще в дореволюционной российской философской и психологической литературе и без всякого влияния Маркса.

Приведу лишь один малоизвестный исторический пример. Один из основателей дореволюционной российской психологии Николай Яковлевич Грот еще 140 лет тому назад писал:

«Мы вводим в число основных психологических понятий новое понятие “деятельности” в тесном значении слова, т. е. проводим еще не признанное в наше время противоположение воли (стремлений, желаний) и деятельности (движений, действий) и тем самым на место обычной трихотомии предлагаем тетрахотомию психических явлений, деление их на *четыре* отдельные класса» (Грот, Психология чувствований, 1879–1880, с. 434).